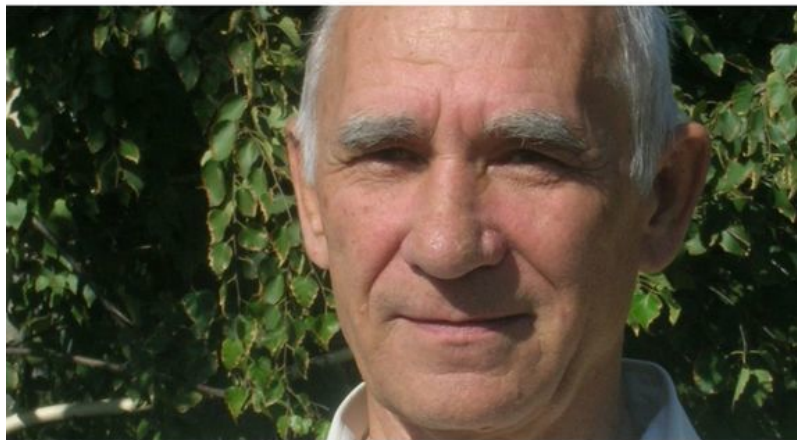

Геннадий Мещеряков

**ИБРАГИМОВИЧ —
ПРАВНУК ОСТАПА
БЕНДЕРА**

Побег из ада — рассказ. В Баклушах у
Малого Узеня — комедия

**Геннадий Мещеряков
Ибрагимович – правнук
Остапа Бендера. Побег из
ада – рассказ. В Баклушах
у Малого Узеня – комедия**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488671
ISBN 9785448302411*

Аннотация

Он внешне смахивает на предка, и характером схож. В условиях относительной бедности не каждому дано добыть миллион долларов. Помогали сумасшедший доктор медицинских наук, безработные банщик, культорганизатор... Вокруг странные люди: в одной из деревень у каждого дома памятник, а мечта завхоза – сделать из кривоногой дочки балерину. Почему до сих пор сидит в окопе ветеран войны, а его родственник вытаскивает ведрами из речки ил? О многом узнаете, если прочитаете книгу.

Содержание

Чрезвычайная остановка	5
Пришпиленный город	11
Все за мани	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Ибрагимович – правнук
Остапа Бендера
Побег из ада – рассказ.
В Баклушах у Малого
Узенья – комедия
Геннадий Мещеряков**

© Геннадий Мещеряков, 2016

ISBN 978-5-4483-0241-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чрезвычайная остановка

*Расхлебяненная степь, распластанный орел
в вылинявшем небе, маловодные Узени
с синхронными изгибами их русел – природа сама
написала герб заволжскому краю...*

Ибрагимович шел по вагону осторожно, словно сам его раскачивал, как, вероятно, подумала, вытянув по – черепаши голову из купе, возмущенная старушка в золотых очках. Он не стал ее переубеждать и посмотрел в окно, за которым, томясь под солнцем и до горизонта раскрыв рот, долизывал сухим языком оставшуюся в пруду воду заволжский край. И, видимо, в насмешку оставил рыбак на берегу удочку с заброшенной в него леской: мол, пробуй, чувак, возможно, ты поймаешь свою рыбку. Куда – то в прошлое убегала жухлая, покрытая пылью лесополоса. В ее разрывы бочком втиснулась степь, и над нею, в выгоревшем до белизны небе, парил орел, как же без него? Одинокий, хоть в небе, хоть на гербе, с одной головой или с двумя. Неожиданно орел сложил крылья и, сверкнув недобро глазом, ринулся вниз. Сейчас врежется в березку, та сжалась от страха в сторонке, заслонила ветками голову, приоткрыла белую ножку. И лишь вяз, философ здешней полупустыни, спокойно созерцал происходящее. Он был намного старше березки, полысел, сторбил-

ся, но сохранил прочность и, если склонял ствол, то только к ней. Орел вылетел из – за лесополосы не один, в когтях у него трепыхался заяц. Ибрагимович усмехнулся: и он такой же заяц, петляющий в потоке пассажиров, ищущий призрачного счастья. Каждый проводник для него орел. Схватит за шиворот – и, вон, из поезда, на полном ходу, куда шляпа, куда сумка, в которой лежало самое ценное – дипломы давно закрытых учебных заведений, купленные у обнищавших преподавателей, и кем – то подаренное свидетельство об окончании ремесленного училища в пятидесятых годах прошлого столетия.

Не забудет он тамбовского волка в железнодорожной фуражке, который дал ему под зад на переезде, возможно, бывший футболист – до сих пор ноет копчик. Он сосчитал тогда до ближайшей станции шестнадцать тысяч шпал. Встречные тепловозы тарасились на него фарами от удивления, хотя, скорее всего, от натуги.

Хорошо, где нас нет, только хищнику, сделал вывод Ибрагимович и уперся в мягкое тело женщины, середина которого закрывала всю ширину прохода. Он похлопал по неожиданной преграде рукой:

– Мадам, встаньте бочком, попробую протиснуться между вашими достоинствами и купе.

– Испугался моих достоинств? – повернулась женщина, и он обомлел: перед ним стояла ревизор со всеми знаками отличия, поэтому выпалил, не подумав:

– Нечем бояться, мадам. Переживания в былом остались.

– Мне кажется, еще не подсели твои аккумуляторы, джентльмен удачи, глаза подсвечивают.

– Так, из ресторана, подлил там щелочи. Иду в свой вагон, десятый, – ответил Ибрагимович, и сразу зануло под селезенкой: что он ляпнул, а если этот вагон десятый, его выбросят как ненужную вещь, снова будет чрезвычайная остановка.

– Ладно, протискивайся, и подфарники включи, не укушу, – улыбнулась она, видя, как растерялся этот красивый парень в ковбойской шляпе и желтых ботинках.

Он вобрал в себя живот до позвоночника и привидением прошмыгнул в проем между дородной ревизоршей и купе.

Ибрагимович решил пристроиться в общем вагоне, где проще затеряться, так как пассажиры в нем меняются постоянно. Сел на краешек полки, занятой двумя женщинами в одинаковых куртках. Обе щелкали семечками, выплевывая шелуху в кульки, свернутые из использованной школьной тетради. На одном из них вундеркинд написал: $13 - 4 = 8$. Напротив, за столиком, сжимая зубами кончик карандаша, разгадывал кроссворд для начинающих парень, можно было подумать, из его тетради вырвали женщины листки. Вот он бросил на всех довольный взгляд, заерзал задним местом по полке и вписал буквы в клеточки кроссворда.

– Одно слово осталось неразгаданным, – сообщил он Ибрагимовичу.

– Какое? – буркнул тот.

– Сельскохозяйственное орудие, четыре буквы.

– Плуг.

– Правильно, первая буква «п», – обрадовался парень.

– А кем ты работаешь? – спросил Ибрагимович, и его губы

скривились, когда он услышал:

– Трактористом.

– Понятно. А вы, дамочки, вероятно, доярки – все больше о коровах говорите?

– Мы сестры, раньше работали доярками, теперь – на своем подворье. В город сметану возим, иначе не проживешь.

– Как выручка?

– Спекулянтками обзывают, а что делать? Кормов зеленых нет, зерно дорогое, – изо рта говорящей вылетела семечка и, как нарочно, упала на нижнюю губу Ибрагимовича.

– Оригинальный поцелуй, – смахнул он семечку, кривясь. – А что, в колхозах не выращивают корма?

– Колхозов давно нет, а фермеры готовы три шкуры содрать, – женщина на всякий случай прикрыла рот рукой. – Траву на сено в посадках косим, а сколь ее соберешь – два три мешка, хоть и матрасных.

– А почему молоко не в Заволжск возите?

– Там мало жителей, тысяч двадцать осталось, вымирают люди.

– И уезжают, – добавил парень. – У нас мужики в основном в Москве работают, а бабы – на подворьях.

– В личных подсобных хозяйствах, значит?

– Не в подсобных, – возразил парень, – так раньше было. – Сейчас без них ба окочурились давно. В АО и у фермеров лишь часть людей занята, да и то летом.

– А деловому человеку, продукту перехода от социализма к капитализму, чем у вас в Заволжске или каком – нибудь селе заняться, только земледелием?

– Нечем, да и земля не вся пашется, – ответил парень.

– Поэтому ты и слово плуг забыл, – засмеялся Ибрагимович, – жаль, мне на юг надо, к морю, можно было бы остановиться у вас, попробовать развернуться.

– Тут вывертываешься наизнанку, да не получается, – вместе сказали женщины. При одинаковом укладе жизни, и мыслили они одинаково. – Всюду деньги, а их с пола не подымешь, никто не рассыпал.

– Сейчас нужны не вера, надежда и любовь, а инициатива, хватка, деловитость, иначе, кердык, – провел Ибрагимович ребром по горлу. – Вот я без денег еду на юг, автостопом по железке. Сажусь в общий вагон...

– И не выгоняют? – удивился тракторист.

– Выгоняют, разумеется, но я сажусь в другой поезд. Иначе как? Сами говорите, без денег и шага не ступишь, а сейчас я на мели. Обанкротился, вернее, прогорел на прежнем месте работы. В наши дни выгоднее всего банкирам да дилерам, посредникам то есть, или перекупщикам, спекулянтам, – посмотрел Ибрагимович лукаво на женщин. – А ме-

ня скоро снова депортируют, слышите, требуют предъявить билет? Надо пробираться к выходу, – поправил он на голове шляпу. – Не могу без шляпы, это мой имидж. Без денег, без дома, без работы могу, а без нее нет.

Ибрагимович казался элегантным. Из – под шляпы торчал перетянутый резинкой сноп волос, как литой сидел на нем голубой пиджак в полоску, серые брюки ниспадали к остроносым желтым ботинкам, на которых не хватало, казалось, только шпор.

– Предъявите билет, – обратилась к нему девушка – ревизор.

– А где ваша напарница с необычайным сидением? Мы только что мило побеседовали с ней, – отвел девушку в сторону Ибрагимович, показывая удостоверение с гербом на обложке.

– Какое точное определение, необычайное сидение. С вашего позволения я им воспользуюсь, муж мой на напарницу засматривается, а вам, чтобы не было недомолвок, нужно выйти в Заволжье и оформить проездной, – сказала она.

– Спасибо, сударыня, за доверие. Обязательно возьму проездной талон, – двинулся он к тамбуру.

– Важная птица, – сказал женщинам тракторист. – Видели, какая у него ксива с орлами, а заливал соловьем: без денег, мол, только автоступом.

Пришпиленный город

*Романом назову сына, в честь тебя:
больно хорошо подпеваешь...*

Поднявшись на переходной мост, Ибрагимович огляделся. Город показался ему пришпиленным к степи телевизионной мачтой. На заборе у ближайшего дома сидели коты, глядя на ободранную кошку, забравшуюся от них на самую верхнюю ветку вяза, и орали. Чуть дальше в переулке собаки вырывали у женщины кошелку с мороженой рыбой, не обращая внимания на мальчугана, который бросал в них камни. Уже за вокзалом Роман спросил хмурого начинающего лысеть парня:

– А что, приятель, трудно поесть в городе без денег?

– Полгорода так едят, работать негде. На биржу не пускают, там и без нас полно.

– Хочешь работать?

– Сразу видно, ты не наш. Строев я, Константин, банщик и массажист. Никто из клиентов никогда не обижался на меня, нашелся один, потребовал помассировать ему передок. Так я на него выплеснул тазик кипятка.

– Восхитительно!

– Два года отсидел за хулиганство. Постаралась сестра толстозадого, наша глава администрации района. А сама что

творит, ни одного мужика не пропускает. Но наказал ее господь, в аварию попала, теперь ходит приблизительно вот так, – Константин присел и сделал несколько шагов вперед, выворачивая ступни ног, судя по улыбке на лице, такая наглядность доставляла ему удовольствие.

– Радуюсь, что главу постигла божья кара?

– Все равно, хоть и калека, любит мужиков, – Константин с трудом выпрямил колени.

– Ну, вы и даете, как говорил известный генерал, – засмеялся Ибрагимович, потом хлопнул по плечу Строева, – показывай, где здесь роддом, надо позавтракать, а тебе и похмелиться.

– В роддоме? – вытаращил банщик опухшие глаза.

– Да, в роддоме. Будем ловить радостных папаш, они сейчас неадекватные.

Ибрагимович шел по главной улице города, улыбался прохожим. За ним семенил, стараясь не отстать, Строев. Ботинки его давно расползлись, и отставшие подошвы постукивали по асфальту, казалось, он отбивает чечетку. Их обогнало облако пыли, наполненное обрывками целлофановых пакетов, стаканчиков из – под мороженого и другим мусором.

– Настоящий степной городок – с ветром, пылью, неисполненными надеждами, – Ибрагимович натянул на лоб свою ковбойскую шляпу. Таких здесь никогда не носили, да и вообще лет двадцать никто не надевал шляп. Их заменили

кепками, фуражками, бейсболками разных фасонов.

– Пыль все щели забила, – заскрипел зубами банщик. – Это наш дождь.

– После такого дождя в баньку бы, помыться, рубашка стала в полоску от пота, – буркнул Ибрагимович. – Но этот вопрос будем решать во вторую очередь.

Родильный дом утопал в зелени цветущих каштанов. Их ветви раскачивались на ветру и стучали по крыше, откалывая кусочки шифера, и по краям он напоминал пилу. Перед окнами стоял высокий парень в рубашке на выпуск, в руке он держал сумку, из которой торчало горлышко бутылки. Рядом с ним стояла молодая женщина с баяном и улыбалась, видимо, ей нравилось такое представление.

– На сколько килограммов? На четыре? Богатырь, весь в меня, – кричал парень в окно второго этажа, из которого выглядывали молодухи в белых халатах. – Анка, давай, – дал он команду женщине с баяном. Растянула та меха, взяла аккорд и поставленным голосом запела: «Скажите, девушки, подружке вашей», Ибрагимович встал рядом с ней и низким приятным голосом подхватил: «что я ночей не сплю, о ней вздыхаю...» Но вот закончилась песня, и все в окнах захлопали: медсестры, роженицы.

– Где моя женушка, – спросил парень, – это ее любимая песня.

– Не оклемалась еще, но очень рада, все слышит. Благодарит тебя.

– Мой первенец, – объяснил он Ибрагимовичу. – Как здорово ты подтянул, давай обмоем мою радость, у меня тут есть, – тряхнул он сумкой, – на всех хватит. И банщика зови, я его знаю. Меня зовут Иваном, – протянул руку парень, – а тебя как?

– Романом, – пожал ее Ибрагимович.

– Анка, расстилай скатерть прямо под каштаном, ближе к любимой и малютке.

В сумке, казалось, было все, что и в соседнем с роддомом ларьке, где он брал закуску: колбасу, сыр, не забыл даже купить банку зеленого горошка. Через несколько минут познакомились ближе. Новоявленный папаша работал машинистом тепловоза, водил грузовые поезда. Жил в отдельном доме с баней во дворе. Зарабатывал неплохо, но мечтал о дополнительном заработке. Женщину – баянистку он звал Анкой – пулеметчицей.

– Почему? – спросил Ибрагимович.

– Анюта, покажи, на что способна.

Раскрасневшаяся Анка, казалось, только и ждала сигнала. Провела пальцами сверху вниз и застрочила. Таких переборов и частушек Ибрагимович, не раз прошедший по параллелям и меридианам страны, еще не слышал. Анка была профессионалом, окончила институт культуры: пела, играла на музыкальных инструментах, ее охотно приглашали вести свадьбы, быть тамадой. Когда объединили городской и районный ДК, ее сократили. Теперь выполняла отдельные зака-

зы граждан.

– Не переживай, Анка, ты вольная птица, открылась дверца твоей клетки, – приободрил ее Ибрагимович. Он впервые снял свою шляпу, и все увидели упавшую на спину копну волос, сделавшую его намного моложе. – Из нас четверых постоянно трудится один, и тот ищет калым, – продолжил Роман. – Давай, Иван, посмотрим твою баню и подумаем, как нам использовать благоприятную обстановку, которая сложилась в городе, то есть бесхозяйственность местных властей.

– Идемте, заодно и попаримся, банщик массаж нам делает, – согласился Иван, и все четверо направились к нему домой.

Ибрагимович даже присвистнул, увидев облицованную кирпичом баню по размерам не уступающую самому дому. К ней были подведены газ и вода, которая по трубам сливалась в городскую канализацию. В предбаннике Иван установил лежанки для отдыха любителей попариться. Недалеко от бани в тени огромного вяза стояла беседка, где дремала, высунув до земли язык, безразличная ко всему окружающему собака. В этой беседке и провел первое производственное совещание Ибрагимович.

– Друзья, успех дела гарантирован, – рассуждал он. – Благоприятные факторы: в городе закрыты все общественные бани, негде попариться, сделать массаж. Рядом городской рынок, и некоторые приезжие торговцы не моются неделями

и уже пахивают. Можно продавать клиентам банные принадлежности и напитки, даже пиво. Украсим их отдых живым голосом баяна.

– Пусть Анка играет клиентам во время массажа, что очень полезно для здоровья, – вставил банщик.

– Правильно, Константин, и во время массажа. Найдется дело между поездками и тебе, Иван. Будешь отвозить на своей машине домой немощных, но богатых людей, за дополнительную плату, естественно. Словом, будем оказывать комплекс услуг. Я возьму на себя общее руководство и организацию других коммерческих дел. Надо попасть на прием к главе муниципального образования и предложить ей свои услуги, не случайно же у меня в сумке четыре вузовских диплома и шесть свидетельств о владении массовыми профессиями. В первую очередь надо, коллеги, зарегистрировать баню в налоговой инспекции как частное предприятие. Назовем его «Второе рождение». Все должно быть по закону, так как потревожим застоявшееся болото, и вони может быть много.

– А если пожелает снять баньку на часок парочка, пойдём ей навстречу? У меня есть такие желающие, – спросила Анка, поправляя рукой застрявшую в вороте пиджака копну волос Романа.

– За тройную плату: с учетом риска. Так будем брать и за пиво, другие веселящие напитки, – ответил Ибрагимович. – Начинать можно с этого часа. Первыми клиентами, бесплатными, будем мы с банщиком. Ну – ка покажи, Иван,

как тут превращать воду в пар, – он распахнул дверь бани, пропуская ее хозяина первым.

Под палящим солнцем экватора было прохладнее, чем в бане, а в парной обжигало до пяток. Пар двигал внутри все поршни, и Ибрагимович пыхтел как паровоз. Он в шестой раз забрался на полочку, но еще слезали грязные катушки с тела. Два веника исхлестал Константин, а ему все мало: дорвался до бесплатного удовольствия, хитрый метис, двигает жабрами под длинными волосами, разметавшимися в стороны. Константин расслышал шепот Ибрагимовича: «О, Боже, продли миг прекрасный второго рождения, первое – то мы и не помним, грешные...» Он изумился, когда встал с полога Роман, похожий на греческую статую, сравнение добавлял банный лист, прилипший там, где обычно размещали фиговыйй.

– А теперь массаж, мастер ты наш волшебный, – попросил он, бросаясь на обитую кожей лежанку в предбаннике.

– Роман, не переборщим? Второй раз нельзя: кожа может полопаться, – предупредил Константин.

– Не полопается, она у меня толстая. Последний раз меня так перебирали еще в юности, когда спортом занимался.

– Я и подумал, что борец.

– Бывший, Костя, бывший.

– С тобой не пропадем. Даже Анка, вон, поверила.

– Но горя схватите. Строгий я, и люблю инициативу, хоть грешников жарь, но по – своему.

– Так Анка с инициативой: за что ухватится – не отпустит, черта уговорит, сам увидишь.

– Ты, Костя, другим возьмешь, своим умением. О, как сжал ягодицы, опухнут, на что теперь я сяду?

– Попарим их потом немного, отойдут.

Не отпускала Ибрагимовича баня долго, но смилостивилась. Вышел он из нее обновленным, готовым к новым свершениям. И очень удивился, увидев в беседке ожидающих очереди людей.

– Запускаем чистилище, – шепнула ему Анка, провожая клиентов в баню. – Первая тысяча рублей есть.

– Молодец, – успел он чмокнуть ее в щеку толстыми губами. – Главное, не останавливать конвейер.

Настроение у Ибрагимовича поднялось: нашел друзей, организовал небольшое дело, помылся, поел, и все это за день.

Хороший город, не испорченные капитализмом люди. Есть ниши для инициативы, и он их заполнит.

Все за мани

*Не идут рукотворные дожди,
вокруг голая степь и чистое небо...*

Директор оросительной системы Русаков за многие годы работы стал напоминать выливающуюся из напорной трубы струю воды. Бесцветные глаза, похожие на пену волосы и белая рубашка с голубизной. Еще бы – лет сорок в руководящем кресле. Успели высохнуть водоемы, обмелеть речки, потухнуть радуги над степью, рождаемые рукотворным дождем.

В оросительной системе нашел Ибрагимович засохшую нишу бесхозяйственности. По магистральному каналу подается вода для пополнения прудов, обмелевших речек. Прояви инициативу – посыплются денежки, иногда и немалые. А Русаков, как узнал о нем Ибрагимович, любит выпить, значит, нужны деньги. Поэтому и решил взять сразу быка за рога, когда зашел к нему в кабинет.

– Настырный ты, говорят же тебе, что я занят, – поднял Русаков белесые глаза на посетителя.

– Секретарша ваша, Николай Алексеевич, просто не знает, с кем имеет дело. Надеюсь, вы читали Ильфа и Петрова, их «Золотого осла» и «Двенадцать стульев»? Так вот, Остап Бендер был моим прадедом, а мадам Грицацуева прабабкой.

Он не сразу убежал от нее после свадьбы. Так, по крайней мере, говорила она сама. Всевозможные комбинации, можно сказать, наша фамильная черта, несмотря на то, что я незаконорожденный. Так что я ценный человек, менеджер обанкротившихся предприятий, проще – специалист дополнительных прибыльных производств, еще проще – специалист по добыванию денег. Теперь есть и такие. Вот мой диплом, красный, между прочим. Орластый, назвал бы его Владимир Владимирович Маяковский, – протянул Ибрагимович Русакову документ.

– По добыванию денег? – переспросил Русаков.

– Да, иногда, кажется все, черная дыра, но нет, есть в ней лестница и можно подняться, – Ибрагимович со всей убедительностью начал втолковывать директору истину, что растраниривать бесплатно воду не по – хозяйски. – Сколько у вас дачников? – спросил он директора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.